

Пределы плана

Опубликовано: 13.05.2026 • Время чтения: ~27 мин.

 [Скачать PDF \(на русском\).](#)

 [Оригинал \(PDF • на английском\).](#)

 [Распечатать](#)

АННОТАЦИЯ

Эта работа развивает теорию пределов Плана. Она исходит из неочевидности развития и утверждает, что развитие требует материальной способности обрабатывать трение реальности. Рынок и План определяются как две формы целеполагания: Рынок обрабатывает трение через прибыль и производит империалистическое развитие, тогда как План обрабатывает трение через сознательную организацию и производит антикапиталистическое развитие. Работа показывает, что Рынок обладает непрерывной пластичностью внутри интервала $X \rightarrow Y$, тогда как План развивается через дискретные исторические формы: План I, План II и План III. Пределы Плана поэтому являются пределами каждой конкретной формы планового микроуправления. Финальная форма, сетевой План, преодолевает относительный предел Плана и открывает путь к Целому, где Рынок и План снимаются в коммунизме.

Ключевые слова: План; пределы Плана; плановое развитие; антикапитал; антикапиталистическое развитие; империалистическое развитие; Рынок; Антирынок; антирынок; План I; План II; План III; сетевая экономика; трение; способность; микроуправление; вульгарный планизм; научный планизм; государственный капитализм; Китай; Советский Союз; Антицентр; Революционная диктатура пролетариата; РДП; Полярный марксизм

JEL Codes: B51; B52; P16; P21; P26; P27; P51; O10; O25; O33

Введение

Развитие обычно рассматривается как очевидный результат политики, реформы, институтов, инвестиций или расширения рынка. Эта работа начинается с противоположной предпосылки: развитие требует материальной способности, способной обрабатывать трение реальности.

Центральное различие этой работы — различие между Рынком и Планом. Рынок является децентрализованной формой целеполагания, функцией которой является прибыль. План является централизованной формой целеполагания, функцией которой является развитие. Каждая форма сталкивается с одной и той же возрастающей сложностью мира, но каждая обрабатывает эту сложность по-разному.

Цель этой работы — определить пределы Плана. Аргумент показывает, что План развивается через исторические формы: валовую форму, антирыночную форму и сетевую форму. Каждая форма имеет собственную способность, собственный предел и собственное место в движении антикапиталистического развития.

Развитие не является очевидным

Развитие обычно рассматривается как очевидный объект. Экономисты говорят так, будто развитие начинается, как только вводится правильная политика, институт, рыночная реформа, норма инвестиций или структура стимулов. В таком представлении развитие появляется как технический результат применения правильной формулы к слаборазвитой стране.

Это первая иллюзия, которую необходимо разрушить. Развитие не является непосредственным фактом политики. Реформа может изменить законы, цены, собственность, стимулы или институты, но развитие требует более глубокой материальной силы, стоящей за этими изменениями. Общество развивается только тогда, когда некоторая реальная сила способна превратить его материальные условия в устойчивый рост.

Вульгарный взгляд начинается с явления. Он видит развитые страны, высокие зарплаты, передовые технологии, стабильные институты, крупные рынки и высокое потребление. Затем он рассматривает эти видимые результаты так, будто они являются прямым рецептом самого развития. Вывод кажется простым: чтобы развиваться, страна должна воспроизвести видимые формы развитого мира.

Это тот же тип ошибки, который появляется всякий раз, когда явление смешивается с сущностью. Глаз видит, как солнце движется по небу, и повседневный опыт подтверждает это явление. Научное мышление начинается тогда, когда это явление разрушается и реконструируется скрытая структура. То же самое относится к развитию. Видимое движение богатства не раскрывает закон, который его производит.

Вульгарная теория развития принимает империалистический мир как свой естественный горизонт. Поскольку наивысшая концентрация товаров, зарплат, технологий и потребления появляется в Центре, Центр становится образом самого развития. Наблюдатель видит результат империалистической концентрации и ошибочно принимает его за универсальный путь.

Это производит базовую ловушку теории развития. Богатство Центра принимается как доказательство того, что институты, рынки, политики и политические формы Центра являются причиной развития вообще. Тот факт, что это богатство покоится на мировой структуре концентрации, извлечения, неравного обмена и периферийного подчинения, исчезает из поля зрения.

Современные теории роста часто воспроизводят эту ловушку в уточненной форме. Росту представляет развитие как последовательность стадий, ведущих к массовому потреблению.¹ Солоу формализует рост через капитал, труд и технический прогресс.² Вашингтонский консенсус превращает развитие в пакет либерализации, приватизации, фискальной дисциплины и рыночной реформы.³ Институциональная теория определяет источник развития в инклюзивных институтах, правах собственности и ограничениях для элит.⁴

Эти теории различаются по языку, но они разделяют одно более глубокое движение. Они начинают с поверхностных форм уже существующего развития и превращают эти формы в универсальное объяснение. Стадии, накопление капитала, пакеты реформ, институты, стимулы и рынки становятся рецептами, потому что они наблюдаются вокруг исторической зоны, где богатство уже сконцентрировано.

Проблема поэтому является методологической. Теория развития часто начинается после того, как развитие уже появилось. Она смотрит на развитую форму и спрашивает, как другие могут ее воспроизвести. Это переворачивает реальный вопрос. Научный вопрос состоит в том, какой закон произвел развитую форму изначально.

Ответ не может быть найден в простом наличии рынков, институтов, политик или реформ. Это формы, через которые развитие может появляться. Они не являются источником развития сами по себе. Источник должен быть найден в материальной силе, которая организует движение общества и задает направление росту.

В капиталистическом мире этой материальной силой является рыночная форма, организованная законом капитала. Рынок не производит развитие как нейтральный дар человечеству. Он производит развитие через прибыль, конкуренцию, концентрацию, централизацию и формирование Центра. Это империалистическое развитие.

Появление развития в Центре поэтому скрывает его полярную структуру. Тот же процесс, который поднимает Центр, подчиняет периферию. Тот же рынок, который создает высокие зарплаты в одной зоне, создает заблокированное развитие в другой. Тот же мировой процесс, который с точки зрения Центра появляется как процветание, с точки зрения периферии появляется как зависимость.

Идеология очевидного развития скрывает эту полярность. Она говорит периферии копировать Центр, тогда как действительная мировая структура не позволяет периферии стать Центром тем же путем. Место концентрации уже занято. Правила, которые произвели Центр, теперь воспроизводят иерархию вокруг него.

Именно поэтому развитие должно быть демистифицировано до того, как может быть проанализирован План. Реальная проблема — это материальная сила, которая организует рост, класс или мировая позиция, для которой этот рост организуется, и закон движения, который стоит за ним.

Развитие поэтому не является очевидным. Оно не является простым результатом реформы, подражания, инвестиций или институционального проектирования. Оно является выражением более глубокого материального закона. Следующий шаг — показать, что этот закон появляется в двух противоположных формах: империалистическое развитие через рынок и антикапиталистическое развитие через План.

Рынок и План как формы целеполагания

Перед тем как можно анализировать две формы развития, необходимо определить две формы экономического целеполагания. Развитие появляется только тогда, когда социальная форма задает направление материальному движению. Это направление производится либо через Рынок, либо через План.

Рынок является децентрализованной формой целеполагания. У него нет единого сознательного центра, который формулирует движение всей экономики. Его направление возникает из обмена, конкуренции, цен, частного интереса и движения прибыли.

План является централизованной формой целеполагания. Он задает направление через командование, расчет, обратную связь, иерархию, координацию и сознательную организацию. Его движение формулируется с точки зрения всей системы.

Различие между Рынком и Планом поэтому является различием между двумя способами организации цели. Рынок производит цель через рассеянные частные действия. План производит цель через единое социальное командование.

Каждая форма должна столкнуться с одним и тем же материальным полем: самой реальностью. Реальность сложна, сопротивляется и постоянно изменяется. Она содержит ресурсы, трудовые процессы, технологии, логистику, потребности, навыки, инфраструктуры, ошибки, дефициты, задержки и информационный шум.

Это сопротивление реальности есть трение. Трение — это давление, которое материальный мир оказывает на всякую попытку его организовать. Чем сложнее становятся производительные силы, тем сложнее становится это трение.

Каждая экономическая форма должна обрабатывать трение. Форма, которая успешно обрабатывает трение, может двигать реальность к своей цели. Форма, которая теряет способность обрабатывать трение, теряет способность развиваться.

Способность обрабатывать трение — это способность. Способность — это реальная сила экономической формы воспринимать, поглощать, рассчитывать, координировать и направлять сложность материального мира.

Способность появляется через микроуправление. Микроуправление означает глубину, с которой система может работать с атомарными элементами экономической реальности: индивидуальными потребностями, конкретными ресурсами, локальными ограничениями, отраслевыми связями, логистикой, качеством, временем и техническим изменением.

Микроуправление — это процессор развития. Через микроуправление экономическая форма превращает трение реальности в движение к своей цели.

В Рынке этот процессор действует через цену, прибыль, конкуренцию, частный риск и децентрализованную адаптацию. Рынок читает реальность через сигналы, ориентированные на прибыль, и превращает трение в движение капитала.

В Пlane этот процессор действует через командование, информацию, расчет, обратную связь, технические системы и сознательное направление. План читает реальность через организованные сигналы и превращает трение в движение развития.

Это различие дает мост к двум видам развития. Рынок, как децентрализованная форма целеполагания, соответствует закону капитала. Его целевая функция — прибыль. План, как централизованная форма

целеполагания, соответствует закону антикапитала. Его целевая функция — развитие.

Эти две формы поэтому по-разному относятся к развитию. План развивается тогда, когда его сознательное микроуправление может обрабатывать реальность для развития как своей цели. Рынок обрабатывает реальность ради прибыли, и развитие появляется как следствие этого движения: прибыль двигает конкуренцию, конкуренция производит победителей, победители концентрируют и централизуют капитал, и эта концентрация капитала производит развитый Центр. Рыночное развитие поэтому существует, но оно появляется как побочный продукт концентрации, движимой прибылью, тогда как плановое развитие существует как прямая цель сознательной организации.

Рынок и империалистическое развитие

Теперь мы можем представить капиталистический мир как исторический интервал между двумя точками. Первая точка — (X), начальная точка капиталистически-фрикционного интервала. Вторая точка — (Y), терминальная точка капиталистического трения. Между (X) и (Y) Рынок действует внутри мира, сложность которого непрерывно возрастает.

Точка (X) не означает абсолютное начало капитализма как исторического явления. Она означает относительное начало анализируемого здесь интервала: точку, с которой капиталистическая реальность может рассматриваться как входящая в измеримый рост системного трения. Для целей этой работы (X) можно поместить примерно в начало двадцатого века, когда капитализм уже стал мировой системой, а проблема глобальной экономической организации стала исторически видимой.

В точке (X) трение принимается как относительно минимальное для капитала. Это можно выразить как ($F_X = 0\%$), где ноль означает относительный ноль внутри выбранного интервала. С этой точки трение растет вместе со сложностью мира: технологии становятся более развитыми, цепочки поставок

становятся длиннее, производство становится более дифференцированным, потребление становится более сложным, а число экономических связей увеличивается.

Движение от (X) к (Y) поэтому является движением от относительной простоты к терминальной сложности. Чем ближе система движется к (Y), тем сильнее реальность сопротивляется экономической организации. Мир становится плотнее, быстрее, более связанным и более трудным для координации. Трение приближается к своему терминальному уровню, который можно представить как ($F_Y = 100\%$).

Рынок функционирует внутри этого растущего поля трения. Он обрабатывает мир через обмен, конкуренцию, цену, прибыль и частную адаптацию. На протяжении большей части капиталистического интервала эта форма продолжает выполнять свою функцию: она максимизирует прибыль, поддерживает накопление капитала, организует конкуренцию и производит рост через концентрацию и централизацию капитала.

Эта способность имеет исторический горизонт. Рынок может продолжать выполнять свою функцию, пока трение реальности остается внутри диапазона, который может поглотить координация, ориентированная на прибыль. По мере роста трения давление на Рынок также растет. Система должна обрабатывать больше информации, больше сложности, больше технологической взаимозависимости и больше глобальной нестабильности, одновременно переводя все это на язык прибыли.

Точка (Y) называет момент, в котором этот перевод достигает своего терминального предела. В (Y) капиталистическое трение достигает (100%). Рынок достигает точки, где его собственная форма больше не может организовывать сложность реальности через прибыль, конкуренцию и децентрализованную адаптацию. Это терминальная точка капиталистически-фрикционного интервала.

Развитие, производимое Рынком внутри интервала (X \to Y), является **империалистическим развитием**. Оно принадлежит историческому интервалу, в котором Рынок выполняет свою организующую функцию через

прибыль, конкуренцию и децентрализованную адаптацию.

Пока Рынок способен обрабатывать трение реальности, он продолжает производить развитие в Центре. Это развитие длится до точки (Y), где Рынок достигает своего терминального предела.

Рынок сохраняет свою форму на протяжении всего этого интервала. Его сила заключается в его текучем характере. Он течет в доступные пространства, заполняет поры, адаптируется к локальным условиям, поглощает новые технологии и реорганизуется себя, не требуя нового сознательного проекта целого. Его движение просто в принципе, но чрезвычайно мощно в действии.

Именно поэтому Рынок может так эффективно обрабатывать реальность на протяжении столь долгого исторического периода. Ему не нужна новая архитектура на каждой стадии сложности; он сгибается, течет, фрагментируется, заново соединяется и продолжает переводить движение реальности в прибыль. Чем ближе он движется к (Y), тем больше давления он испытывает, но пока эта точка не достигнута, он остается самой пластичной формой человеческой социально-экономической организации в мире, до своего последующего снятия.

Империалистическое развитие поэтому называет историческую форму рыночного развития внутри интервала ($X \rightarrow Y$). Это период, в котором Рынок генерирует рост через Центр, обрабатывает трение через прибыль и появляется как мощный механизм адаптации. Его завершение происходит в (Y), когда трение реальности достигает точки, где прибыль больше не может организовать мир как целое.

План и его историческая способность

Тот же исторический интервал теперь можно рассмотреть со стороны Плана. План также появляется внутри интервала ($X \rightarrow Y$), сталкивается с растущим трением реальности и выполняет свою организующую функцию, пока способен обрабатывать это трение.

В этом смысле План также производит развитие. Если Рынок производит империалистическое развитие через прибыль и концентрацию капитала в Центре, то План производит антикапиталистическое развитие через сознательную организацию, командование и направление роста.

До этого пункта формальное сравнение кажется симметричным. Рынок действует внутри $(X \rightarrow Y)$, обрабатывает трение и производит империалистическое развитие. План также действует внутри $(X \rightarrow Y)$, обрабатывает трение и производит антикапиталистическое развитие.

Но эта симметрия только формальна. Рынок сохраняет свою форму, протекая через реальность. План сохраняет свою форму через сознательную организацию. По этой причине План нельзя понимать как текучую структуру, которая просто заполняет поры мира. Его способность зависит от другого условия.

Здесь начинается анализ Плана. План существует в том же историческом интервале, что и Рынок, но он не движется через этот интервал тем же способом. Его развитие зависит от специфической формы, через которую сознательная организация становится способной обрабатывать реальность.

Проблема Плана начинается на уровне микроуправления. План имеет централизованную структуру целеполагания, но это целеполагание все равно должно обрабатывать трение реальности. Оно должно видеть конкретный мир, рассчитывать его, координировать его и превращать его в развитие.

В Рынке микроуправление покоится на простом и исторически устойчивом механизме: цене, прибыли, конкуренции и децентрализованной адаптации. Этот механизм может течь вместе с миром. Он изменяется вместе с движением реальности и поэтому сохраняет непрерывную форму обработки.

В Плане микроуправление имеет другое условие. Оно зависит от технологического развития общества. План требует средств расчета, коммуникации, регистрации, обратной связи и контроля. Его способность растет вместе с историческим уровнем этих средств.

Это создает базовое противоречие Плана. Конкретный План должен быть фиксированным, чтобы работать. Он должен иметь институты, процедуры, сигналы, команды, показатели и технические каналы. План без определенной формы не имеет операционного тела.

В то же время реальность продолжает трансформироваться. Трение растет по мере того, как производство, технология, потребности, логистика и социальные связи становятся более сложными. Фиксированная форма Плана затем начинает сталкиваться с миром, который вышел за пределы уровня, для которого эта форма была создана.

Эффективность конкретного Плана поэтому падает, когда трение реальности превышает способность его исторической формы. Проблема состоит в несоответствии между фиксированной архитектурой планирования и движущимся полем реальности.

Рынок обрабатывает растущее трение интервала ($X \rightarrow Y$) через текучесть. Поскольку сам интервал измеряется от (0%) до (100%), Рынок можно рассматривать как обладающий непрерывной (100%) способностью относительно этого интервала. Это не означает, что Рынок бесконечен. Это означает, что до точки (Y) его текучая форма может продолжать поглощать растущее трение капиталистической реальности.

План не обладает такой непрерывной способностью в начале. Причина проста: План является сознательной организацией, а сознательная организация требует определенного технического тела. Она требует средств расчета, коммуникации, регистрации, обратной связи и контроля. Поэтому способность Плана зависит от доступного ему технологического уровня.

Конкретный План должен принять фиксированную историческую форму. Он не может существовать как чистое намерение. Он должен стать институтами, процедурами, показателями, командами, каналами, системами учета и техническими инфраструктурами. Эта фиксированная форма позволяет Плану работать, но она же дает Плану его предел.

Когда конкретная форма Плана зафиксирована, она начинает обрабатывать трение реальности на том уровне, который допускает ее собственная архитектура. Если трение мира остается внутри этого уровня, План работает. Если трение мира растет за пределы этого уровня, та же форма начинает терять эффективность.

Это базовое различие между Рынком и Планом. Рынок непрерывно течет через интервал ($X \rightarrow Y$). План движется через фиксированные исторические формы. Рынок сгибается вместе с реальностью. План должен построить форму, исчерпать ее и затем перейти в более высокую форму, когда технологический уровень мира это позволяет.

План поэтому развивается дискретно. Он проходит через версии. Каждая версия соответствует определенному историческому уровню возможного микроуправления и определенной способности обрабатывать трение.

Первая историческая версия Плана появляется как валовая форма. Она работает через крупные потоки, агрегированные показатели, массовую мобилизацию, промышленное командование и координацию на макроуровне. Это первая историческая форма планового микроуправления, адекватная уровню трения, с которым она столкнулась.

Когда трение реальности растет за пределы этой валовой формы, первая версия Плана начинает терять эффективность. Форма, адекватная одному историческому уровню трения, становится неадекватной, когда мир становится более сложным.

Вторая историческая версия Плана появляется тогда, когда сознательная организация нуждается в более глубоком микроуправлении и располагает только техническими средствами для косвенной обработки. Поэтому она использует рыночноподобные сигналы внутри антикапиталистической командной структуры. Эта форма расширяет способность Плана через косвенный механизм.

Предел этой второй формы следует из ее собственной структуры. Она использует сигналы, которые стремятся к прибыли, и заставляет их служить развитию. Это может работать в течение исторического периода. По мере того

как реальность становится сложнее, стоимость подчинения сигналов, ориентированных на прибыль, развитию возрастает. В определенной точке эта стоимость начинает подрывать сам развивающийся выход данной формы.

После того как эти две исторические формы поняты, третья форма становится необходимой. Третья версия Плана устраняет косвенный характер второй формы. Она заменяет перенаправленные сигналы, ориентированные на прибыль, прямыми сетевыми сигналами развития.

Эта третья форма — сетевой План. Она является синтезом предшествующего движения. Она сохраняет сознательное командование и поднимает плановое микроуправление до уровня, на котором оно может обрабатывать трение реальности с той же глубиной, с которой Рынок обрабатывает его через спонтанную адаптацию.

В этом смысле три формы можно выразить как три уровня плановой способности. Первая форма соответствует $(\frac{1}{3})$, валовой форме планового микроуправления. Вторая форма соответствует $(\frac{2}{3})$, антирыночной форме планового микроуправления. Третья форма соответствует $(\frac{3}{3})$, сетевой форме планового микроуправления.

Смысл $(\frac{3}{3})$ становится ясным в конце этого вывода. Это точка, в которой План достигает полной относительной способности по отношению к Рынку. Рынок имеет непрерывную (100%) способность внутри $(X \rightarrow Y)$; План достигает эквивалентной способности через дискретное историческое движение от $(\frac{1}{3})$ к $(\frac{2}{3})$ и к $(\frac{3}{3})$.

Предел Плана — это историческая способность каждой конкретной формы планового микроуправления. План как общая форма движется через весь интервал $(X \rightarrow Y)$, но он делает это через дискретные формы, которые должны быть заменены, когда их способность исчерпана.

Вульгарный и научный планизм

После того как предел Плана выведен, главные ошибки мысли могут быть сформулированы более ясно. Эти ошибки возникают, когда конкретная историческая форма Плана принимается за План как таковой.

Центральная ошибка — абсолютизация валовой формы. Советская форма планирования рассматривается так, будто она была сущностью планирования вообще. В реальности валовая форма была первой исторической формой планового микроуправления, адекватной промышленному уровню двадцатого века и технологической способности, доступной в то время.

Эта ошибка производит вульгарный планизм. Вульгарный планизм — это способ мышления, который отождествляет пределы конкретной исторической формы Плана с пределами Плана как формы организации.

Австрийская критика дает классическую либеральную версию этой ошибки. Мизес и Хайек рассматривали проблему расчета, рассеянного знания и координации как фундаментальную невозможность планирования.⁵⁶ Их аргументы взяли исторические ограничения раннего планирования и превратили их в онтологический приговор Плану.

Само историческое движение уже опровергает этот приговор. Советский Союз рассчитывал и организовал валовую промышленную форму развития. Китай рассчитывает и организует антирыночную форму развития. Сетевая экономика будет рассчитывать и организовывать высшую форму планового развития. Вопрос поэтому состоит в исторической способности каждой формы, а не в абстрактной невозможности планирования.

Их критика становится еще слабее, когда она распространяется на коммунизм. Коммунизм — это Целое, а не еще один административный план. Это снятие Рынка и Плана. Критика, направленная против централизованного расчета внутри интервала ($X \rightarrow Y$), не может схватить форму, которая появляется после преодоления этого интервала.

Либеральный нигилизм — первая форма вульгарного планизма. Он говорит, что План не может обрабатывать микроинформацию, потому что экономическое знание рассеяно, локально и практично. Он возводит рыночную форму в универсальную форму координации.

Валовой вульгарный планизм — вторая форма. Он принимает валовую форму как правильную форму Плана и рассматривает макрокомандование, агрегированные показатели и административные цели как достаточные

выражения планирования. Он превращает первую историческую форму в доктрину.

Рыночный вульгарный планизм — третья форма. Он видит необходимость микроуправления и затем передает эту функцию рыночноподобным механизмам. Он рассматривает рынок как постоянный протез Плана и превращает План II в финальную модель.

Утопический вульгарный планизм — четвертая форма. Он заменяет расчет обсуждением, координацию собранием, а микроуправление политическим участием. Он рассматривает проблему экономической обработки как проблему коллективного разговора.

Эти четыре формы различаются политически, но они разделяют одну и ту же структуру. Каждая из них фиксирует одно неполное отношение между макрокомандованием и микрообработкой. Либерал отдает микрообработку рынку. Директивный плановик отдает макрокомандование бюрократии. Рыночный социалист разделяет их. Утопист заменяет их единство обсуждением.

Научный планизм начинается с другой предпосылки. План является исторической формой, способность которой зависит от технических и организационных средств, доступных сознательному обществу. Его пределы реальны, и они являются пределами определенных форм.

Научный планизм понимает План I, План II и План III как последовательные формы планового микроуправления. Валовая форма, антирыночная форма и сетевая форма выражают три стадии в развитии способности Плана.

Фетишизм Плана II

После вульгарного планизма необходимо выделить вторую ошибку: фетишизм Плана II. Эта ошибка возникает из нынешней антирыночной формы Плана. Наблюдатель видит рыночноподобные механизмы, частные фирмы, национально-буржуазные элементы, цены, конкуренцию и интеграцию в мировую торговлю, а затем рассматривает эту поверхность как сущность системы.

План II — временная историческая форма Плана. Он принадлежит определенной стадии в развитии планового микроуправления. Его использование рыночноподобных механизмов следует из технологических и исторических пределов прямого планового расчета на этой стадии. Антирыночная форма поэтому является необходимым моментом в развитии Плана.

Фетишизм Плана II начинается тогда, когда эта временная форма превращается в финальную категорию. Нынешняя поверхность китайской формации принимается за истину всей системы. Из этой операции появляются теории государственного капитализма, партийно-государственного капитализма, авторитарного капитализма и похожие термины.

Эти теории берут видимый рыночноподобный слой Плана II и превращают его в классовую сущность системы. Они видят сигналы, ориентированные на прибыль, и частное производство, но читают их как сам капитализм. В реальности эти сигналы действуют внутри антикапиталистической командной структуры и принуждаются служить развитию.

Государственный капитализм — это фетишизация поверхностной формы Плана II. Он ошибочно принимает антирыночную форму Контура В за закон всей системы. Он видит временный инструмент, через который План обрабатывает трение, и рассматривает этот инструмент как правящую сущность формации.

Китайская форма производит это смешение, потому что План II действительно использует рыночноподобные механизмы. Его поверхность выглядит близкой к капитализму, тогда как его командная структура остается антикапиталистической. Это противоречие создает терминологическую бедность в современной теории: система называется капиталистической, потому что ее поверхность говорит в рыночных формах, тогда как ее закон движения остается связанным с Планом.

Научная позиция другая. План II должен пониматься как антирыночная форма планового микроуправления. Он использует сигналы, ориентированные на прибыль, дисциплинирует их, перенаправляет их и подчиняет их развитию. Его предел следует из этой структуры: стоимость подчинения сигналов, ориентированных на прибыль, возрастает по мере роста трения реальности.

Фетишизм Плана II поэтому блокирует понимание последовательности. Если План II принимается за капитализм, его исчерпание появляется как кризис капитализма или как провал государственного капитализма. Если План II понимается как историческая форма Плана, его исчерпание появляется как условие следующей формы: Плана III.

Предел Плана II

План II имеет ту же общую судьбу, что и План I: он является исторической формой Плана, и каждая историческая форма Плана имеет собственный предел. План I достиг своего предела, когда валовая форма планового микроуправления больше не могла обрабатывать растущее трение реальности. Советский Союз распался как конкретный Антицентр, но антикапитал не исчез.

После распада советской формы антикапиталистическое поле реорганизовало себя под вторым Антицентром. Эта вторая форма — План II, центральным историческим воплощением которого является Китай. Глобальная периферия не вернулась к обычному капитализму как устойчивому самовоспроизводящемуся порядку. Она вошла в новую конфигурацию под антирыночной формой планового микроуправления.

Поверхность этой новой конфигурации выглядит рыночноподобной. Она содержит цены, частные фирмы, национально-буржуазные элементы, конкуренцию, торговлю и сигналы, ориентированные на прибыль. С точки зрения вульгарной теории эта поверхность читается как капитализм. С точки зрения полярного марксизма это антирыночная форма Плана.

На Западе прибыль командует экономикой, а развитие появляется как следствие концентрации и централизации капитала, движимых прибылью. В Плане II сигналы, ориентированные на прибыль, подчинены развитию. Они используются, дисциплинируются, перенаправляются и принуждаются служить закону антикапитала.

Это источник и силы, и предела Плана II. Антирыночная форма может обрабатывать реальность глубже, чем валовая форма Плана I. Она может поглощать больше сигналов, использовать больше гибкости, мобилизовать частную инициативу и координировать более сложную экономику. Это дает Плану II более высокую способность, чем Плану I.

Но План II остается ограниченным, потому что его микроуправление косвенно. Он использует сигналы, которые естественно стремятся к прибыли, и заставляет их служить развитию. Это противоречие может произвести огромный исторический рост, и именно это сделала китайская форма. Но это противоречие также производит растущую стоимость контроля.

По мере роста трения реальности экономика становится более сложной, более технологичной, более финансируемой, более сетевой и более трудной для дисциплинирования. Сигналы, ориентированные на прибыль, становится труднее перенаправлять. Стоимость удержания их в подчинении развитию возрастает.

В определенной точке стоимость подчинения сигналов, ориентированных на прибыль, начинает приближаться к развивающему выходу, который они производят. Когда это происходит, План II начинает терять свою историческую эффективность. Антирыночная форма достигает собственного предела: она использует сигналы, ориентированные на прибыль, для закона развития, стоящего выше прибыли.

Это дает структурный смысл будущего кризиса Китая. Китай исчерпывает антирыночную форму, потому что План II имеет способность ($\frac{2}{3}$), тогда как трение реальности продолжает двигаться к уровню, требующему ($\frac{3}{3}$).

Распад Плана II поэтому должен пониматься как исчерпание конкретного Антицентра. Так же как исчерпание Плана I потребовало Плана II, исчерпание Плана II требует Плана III. Закон формационной непрерывности требует следующей формы.

План III — это сетевая экономика. Он заменяет перенаправленные сигналы, ориентированные на прибыль, прямыми сетевыми сигналами развития. Он дает Плану способность обрабатывать реальность на том уровне, к которому План II приближается косвенно.

Это также изменяет смысл текущего исторического периода. Китай — это антирыночный переход, через который Восток развивается, накапливает способность и подготавливает материальную основу для более высокой формы. Его исчезновение как Плана II будет завершением его исторической задачи.

Антирыночная форма поэтому была прогрессивной. Она развила Восток, расширила материальную силу периферии и удержала антикапиталистическое поле после советского распада. Ее будущее исчерпание является условием более сильной формы.

Западная теория читает эту последовательность через поверхность Плана II. Она называет антирыночную поверхность капитализмом и поэтому ожидает в будущем либерализацию, распад или нормальный капиталистический переход. Научный планизм читает последовательность иначе: План I, План II, План III.

В будущем сетевая экономика раскроет временный характер антирыночного настоящего. То, что для вульгарной теории выглядело как капитализм, появится как короткий исторический интервал Плана II. Восток был рыночноподобным только на поверхности. Его закон оставался антикапиталистическим.

Предел Плана II поэтому ясен: он может использовать сигналы, ориентированные на прибыль, для развития только в течение исторического периода. По мере роста трения стоимость перенаправления этих сигналов

возрастает. Когда эта стоимость подрывает развивающую функцию формы, План II достигает своего предела и уступает место Плану III.

Неверные прочтения предела Плана II

Предел Плана II может произвести несколько неверных прочтений. Эти неверные прочтения возникают, когда существующая антирыночная форма вместе с ее будущим исчерпанием читается через категории либерализации, теории распада, государственного капитализма или обычного капиталистического перехода.

Первое неверное прочтение ожидает, что Китай либерализуется в капитализм. Этот взгляд читает рыночноподобную поверхность Плана II как начало перехода к западной форме. Более раннее ожидание вокруг интеграции Китая в мировую торговлю следовало этой логике: экономическая либерализация создаст политическую либерализацию, а расширение рынка подтолкнет Китай к либерально-капиталистическому порядку.⁷

Я даю другой прогноз. Китай не завершит себя как западный капитализм. Его рыночноподобные механизмы являются антирыночными механизмами внутри Плана II. Они служат закону антикапитала через подчинение сигналов, ориентированных на прибыль, развитию. Траектория этой формы ведет к исчерпанию и замене Планом III, а не к завершению в качестве либерального капитализма.

Второе неверное прочтение близко к первому, но дает тому же ожиданию другой механизм. Первое ожидает, что Китай станет капитализмом через постепенную либерализацию. Второе ожидает, что Китай сначала рухнет, а затем провалится в капитализм, обычное рыночное существование или периферийную дезинтеграцию. В этом взгляде исчерпание Китая растворило бы антирыночную структуру, открыло бы систему капиталистическому захвату и свело бы Восток к новой периферии. С точки зрения этой работы такой исход не может стать устойчивым историческим результатом, потому что закон формационной непрерывности требует, чтобы антикапитал воспроизвел новый Антицентр после исчерпания Плана II.

Третье неверное прочтение соединяет эту теорию с обычным жанром китайского распада. Этот жанр неоднократно предсказывал китайский крах через финансовую слабость, авторитарную жесткость, коррупцию, демографическое давление, партийное разложение или провал реформ. Известное предсказание Гордона Чанга о распаде в кратком горизонте является классической популярной формой этой литературы; Шамбо, Пэй и Минцзнер представляют более академические версии той же широкой тревоги о прочности китайского партийного государства.⁸⁹¹⁰¹¹

Настоящая теория говорит о другом объекте. Будущее исчерпание Китая следует из предела Плана II: растущей стоимости принуждения сигналов, ориентированных на прибыль, служить развитию при возрастающем трении. Финансовый стресс, демографическое давление, коррупция, элитный конфликт или социальный кризис могут появляться как поверхностные формы этого исчерпания. Закон лежит глубже.

Это различие также важно исторически. Верное событие может быть предсказано через ложный закон. Система может рухнуть, тогда как объяснение, приложенное к этому распаду, остается неверным. Распад Советского Союза создал эту проблему: многие более ранние антисоветские прогнозы казались подтвержденными событием, даже когда их теоретическое объяснение упускало действительный закон исчерпания. Прогноз Троцкого в *Преданной революции* является наиболее ясным примером этой проблемы: событие советского распада может казаться подтверждением предсказания, тогда как закон, объясняющий распад, остается другим.¹²

Та же опасность появится с Китаем. Если Китай исчерпает План II, теории распада заявят о своем подтверждении. Научный планизм отделяет событие от закона. Исчерпание Китая подтвердит предел антирыночной формы, а не либеральную теорию авторитарного провала, демографического фатализма или обычного рыночного перехода.

Четвертое неверное прочтение увековечивает текущее мировое деление. Оно воображает устойчивую оппозицию между демократическим капитализмом и авторитарным/государственным капитализмом, как если бы нынешняя

конфигурация была финальной структурой мира. Это идеологическая форма постсоветского периода.

Это деление временно. Нынешняя китайская форма принадлежит Плану II. Это историческая антирыночная конфигурация, а не финальная форма Востока. Ее поверхность создает иллюзию государственного капитализма, потому что она использует частное производство и рыночноподобные сигналы под антикапиталистическим командованием.

Сила этой теории — в ее предсказательной последовательности. Теории государственного капитализма описывают настоящую поверхность. Моя теория предсказывает следующую форму. Если антирыночная форма достигает исчерпания, решающим вопросом становится появление Плана III.

Сетевая экономика разоблачит бедность категории государственного капитализма. То, что в западном словаре выглядело как капитализм, появится как короткий антирыночный интервал в развитии Плана. Поверхность будет переклассифицирована самим движением истории.

Последнее неверное прочтение касается постоянства. Капитализм кажется вечным, потому что Рынок остается сильным внутри ($X \rightarrow Y$). Китай кажется прочным, потому что План II все еще производит развитие. Оба явления принадлежат настоящему интервалу. У Рынка есть точка (Y). У Плана II есть предел способности. Последовательность продолжается к Плану III, а затем к Целому.

Все эти позиции, несмотря на их различия, читают Китай через капиталистическую матрицу: либо как капитализм, либо как переход к капитализму, либо как деформированный капитализм, либо как систему, которая после кризиса должна раскрыть свою капиталистическую сущность. Их глубочайшая ошибка — капиталоцентризм. Они не могут мыслить за пределами капитализма, потому что рассматривают капитализм как финальную субстанцию истории. Для них каждая форма должна либо уже быть капитализмом, либо двигаться к капитализму, либо быть искаженным

капитализмом, либо стать капитализмом после распада своей политической оболочки. Именно поэтому они неверно читают и Советский Союз, и Китай: они принимают исчерпание конкретной формы Плана за победу капитала.

Вывод из этих неверных прочтений прост. Китай не станет Западом. Китай не откроет устойчивый путь к обычному периферийному капитализму. Китай исчерпает План II через внутренний предел антирыночной формы. Это исчерпание потребует Плана III. Таков прогноз, следующий из пределов Плана.

Заключение

Предел Плана — это предел конкретной исторической формы планового микроуправления. План I исчерпал валовую форму. План II исчерпает антирыночную форму. План III появляется как сетевая форма, способная достичь полной относительной способности по отношению к Рынку.

Эта последовательность также проясняет ошибки вульгарного планизма и фетишизм Плана II. Советская форма была одной исторической версией Плана. Китайская форма — другой. Государственный капитализм является фетишизацией поверхностной формы Плана II.

Финальный результат — Целое. Рынок достигает своей терминальной точки в (Y). План достигает своей финальной формы в сетевой экономике, а позднее той же терминальной точки в (Y). Их оппозиция затем снимается в коммунизме, понимаемом как координация с нулевым трением и единство управляющей и управляемой жизни.

Footnotes

1. W. W. Rostow, "The Stages of Economic Growth," *The Economic History Review* 12, no. 1, 1959, 1–16. DOI: 10.1111/j.1468-0289.1959.tb01829.x. ↩
2. Robert M. Solow, "A Contribution to the Theory of Economic Growth," *The Quarterly Journal of Economics* 70, no. 1, February 1956, 65–94. DOI: 10.2307/1884513. ↩
3. John Williamson, "The Strange History of the Washington Consensus," *Journal of Post Keynesian Economics* 27, no. 2, 2004, 195–206. DOI: 10.1080/01603477.2004.11051438. ↩
4. Daron Acemoglu and James A. Robinson, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, New York: Crown Business, 2012. ↩
5. Ludwig von Mises, "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth," *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik* 47, 1920, 86–121. Originally published in German as "Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen." ↩
6. F. A. Hayek, "The Use of Knowledge in Society," *The American Economic Review* 35, no. 4, September 1945, 519–530. ↩
7. William J. Clinton, "Full Text of Clinton's Speech on China Trade Bill," Institute for Agriculture and Trade Policy, March 8, 2000. URL: https://www.iatp.org/sites/default/files/Full_Text_of_Clinton's_Speech_on_China_Trade_Bi.htm. ↩
8. Gordon G. Chang, *The Coming Collapse of China*, New York: Random House, 2001. ↩
9. David Shambaugh, "The Coming Chinese Crack-Up," *The Wall Street Journal*, March 6, 2015. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coming-chinese-crack-up-1425659198>. ↩
10. Minxin Pei, *China's Trapped Transition: The Limits of Developmental Autocracy*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. ↩
11. Carl Minzner, *End of an Era: How China's Authoritarian Revival Is Undermining Its Rise*, New York: Oxford University Press, 2018. ↩

2. Leon Trotsky, *The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union and Where Is It Going?*, translated by Max Eastman, Garden City, NY: Doubleday, Doran and Company, 1936. URL: <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1936/revbet/>.
↩

КАК ЦИТИРОВАТЬ ЭТОТ МАТЕРИАЛ

Вилен Истени (2026). "Пределы плана." Полярный марксизм.
<https://polarmarxism.com/ru/research/limits-of-the-plan>

ЧИТАТЬ ОНЛАЙН

